

ТОРГОВЛЯ СИНЬЦЗЯНА С ВОСТОКОМ В 1918–1920 гг.

На основе нового источниковедческого материала автором были проанализированы причины активизации торговли китайской провинции Синьцзян с английской Индией и собственно Китаем. Выявлены особенности торговых отношений провинции с Востоком в 1918–1920 гг. Рассмотрена номенклатура экспортных и импортных товаров. Определено влияние данного процесса на восстановление, а по существу – выстраивание заново, советско-синьцзянских торгово-экономических и политических взаимоотношений.

Ключевые слова: торговля; Россия; Синьцзян; Восток.

Революция и Гражданская война внесли свои коррективы в торгово-экономические отношения России с китайской провинцией Синьцзян. Сложившиеся в предшествующий период связи были нарушены, официальные торговые операции прекращены. В результате Синьцзян лишился одновременно основного поставщика промышленных товаров и рынка сбыта для своего сырья. В силу этих обстоятельств купечество Синьцзяна в период 1918–1920 гг. было вынуждено переориентироваться на расширение торговли с внутренними районами Китая и с иностранными фирмами.

Утвердившуюся среди многих отечественных и зарубежных исследователей точку зрения относительно неэффективности этой торговли, на наш взгляд, следует скорректировать и уточнить.

Как уже отмечалось, с началом внутривосточного кризиса в России вывоз в Синьцзян ее товаров был практически прекращен. В свою очередь, Синьцзянские купцы, экспортировавшие в Россию сырье, свернули свои торговые операции, опасаясь реквизиций и конфискации со стороны большевиков. В поисках выхода из создавшегося положения они начали активно развивать связи с торговыми фирмами, работавшими во внутренних районах страны, в расчете получать от них все, что прежде поставляло Российское государство. Одновременно многие из этих торговцев занялись, несмотря на огромное расстояние, экспортом своих товаров из Синьцзяна на Восток. В первую очередь работа строилась на переброске «не громоздких товаров: пушнины, шелка, кишок, конского волоса, мерлушки, сайговых рог, а затем и высших сортов шерсти и хлопка», являвшихся прежде (кроме сайговых рог. – *Т.Ш.*) предметами вывоза исключительно в Россию, а теперь уже «шедших» из нее в Синьцзянскую провинцию «контрабандным путем ввиду большого спроса на Востоке» [1].

Следует еще раз подчеркнуть, что изменение формы торговли стало результатом ухода Российского государства с торговых рынков провинции. Представитель Наркомвнешторга Б.В. Лавров сообщал по этому поводу в свой наркомат: «...Сырье и скот, лишившись главного потребителя, стали падать в цене...», в результате произошло снижение фрахта и сделало торговлю с Пекином, Европейскими странами и США достаточно выгодной [2]. «Дешевизна импортных товаров на рынках Восточного Китая и непомерная дороговизна их на рынках Западного Китая при обесценении сырья – таковы кардинальные

факторы, которые способствовали рождению экономической связи центра с окраиной» [3]. Конечно, вывоз сырья стал практиковаться не в больших размерах, но «зато», по словам советского референта Заруховича, это были «...легковесные ценные товары», которые стали уходить на Восток, направляясь караванным путем на Тяньцзинь, Шанхай и транзитом в страны Европы и США [4]. Туда же стали отправляться и почтовые посылки с товаром по 12 и более фунтов каждая. Этим путем в 1920 г. только из района Кульджи было отправлено конского волоса 1 500 пудов; шкур сурка 10 тысяч штук; шкур хорька 5 000 штук; мерлушек – 10 000 штук [5].

Связь с Центральным Китаем несколько ослабила застой в торговле, особенно в восточных округах Синьцзяна (менее зависимым от российского рынка), и позволила провинции «насытить» свои рынки «произведениями европейской и американской индустрии», а также китайского и японского производства [6]. Показателем в этом плане объем экспорта из США в Китай. По данным документов, он увеличился с 2 808 9000 долл. в 1917 г. до 37 908 000 долл. в 1918 г. [7].

Воспользовавшись сложившейся благоприятной ситуацией, китайские и иностранные фирмы начали снабжать население Синьцзяна мануфактурой, галантереей, парфюмерией, фарфоровой посудой и прочими мелочами. Объективности ради надо отметить, что все эти товары были довольно низкого качества. В то же время в провинции по-прежнему не хватало железа, скобяного товара, эмалированной посуды. В агентурной сводке № 124 по Китаю начальник информационного отдела Туркфронта писал, например, о Кашгарском рынке: «Остро ощущается отсутствие всех сортов русской мануфактуры и вообще всех товаров русского производства, т.к. население хорошо убедилось в недоброкачественности (по сравнению с русскими) инородных товаров из Западноевропейских стран и относится к ним крайне недоверчиво (особенно к товарам английского производства)» [8].

Однако это не мешало росту товарооборота Синьцзяна с английской Индией, другими иностранными государствами и собственно Китаем. Историк А.В. Ибрагимов указывал в своей статье, что «...мнение будто трудности караванного пути сообщения Синьцзяна с Восточным Китаем и Индией, пролегающего через высокие горные хребты и обширные пустыни, и дальность расстояния делают совершенно невозможным широкое развитие торговли

между этими странами», неверны, так как, «несмотря на исключительные трудности торговой связи с этими странами, чрезвычайно удорожающими стоимость фрахта, несмотря на продолжительность передвижения каравана, на риск порчи груза, ограбления в пути и т.д., товарооборот с этими странами достигал в свое время значительных размеров» [9, 10].

Тем не менее даже определенная часть верхушки синьцзянского купечества, имевшая хорошие доходы от торговли с Востоком, к 1920 г. обеспокоилась сложившимся положением дел в торговле. Прежде всего, они были встревожены тем фактом, что «наплыв» в Синьцзян представителей китайских и иностранных фирм привел к резкому росту цен на сырье. Его стоимость повысилась настолько, что «грозило намного превзойти цены довоенного времени», а это означало повышение фрахта и ставило под угрозу не только вывоз сырья на Восток, но и снижение прибыли [11]. Так как именно низкие цены на сырье позволяли без убытка продавать его на Востоке, а ввоз в провинцию мануфактуры, где цена на нее была высокой и издержки по перевозке значительно меньше, была возможность получать хороший доход.

Кроме того, в своем докладе референт НКВД Э.К. Тегер отмечал: «Барыши монополистов и конечные доходы рядовых торговцев грозят иссякнуть в силу крайнего понижения покупательной способности населения ...хотя рынок обилён импортными товарами ...прогрессирующее обнищание населения в окружении скопившихся сырья и скота, ведет к краху торговых отношений Синьцзяна с центральным Китаем» [12]. По существу, после резкого снижения объема импортно-экспортных операций с Россией Синьцзянская провинция столкнулась не столько с нехваткой товаров первой необходимости (они замещались поставками китайских и европейских товаров), сколько с проблемой сбыта своей продукции (вынужденный «кризис перепроизводства»).

Дело в том, что большая часть производимого на территории Синьцзяна сырья не соответствовала европейским критериям качества (и в силу этого даже при низкой цене не выдерживала издержки фрахта) и могла быть использована только в российском промышленном производстве.

В годы Первой мировой войны, с переводом промышленности в России на военные нужды, увеличилась ее потребность на грубую овечью шерсть и кожевенное сырье. Фронт потреблял все то, что не могло быть допустимо в условиях мирного времени. Учитывая это, местные оптовики в связи с ростом спроса снизили требование к закупаемому сырью. В результате оно стало отвечать весьма ограниченным требованиям внутреннего потребления (в это время сортировка сырья не требовалась, тщательная мойка также была не удовлетворительной). Однако это сырье, ввиду тяжелого состояния экономики к моменту окончания войны, перестало находить сбыт в России и осталось нереализованным. Последовавшие за этим революция и Гражданская война еще более усугубили эту проблему.

Вследствие этого большинство держателей данного товара, а это, как правило, мелкое и среднее купе-

чество, столкнулись с фактом скопления сырьевых запасов, приготовленных и годных исключительно к употреблению на фабриках и заводах России. Инициативность китайской стороны именно в этом направлении сотрудничества вполне понятна. Белогвардейцы после целого ряда крупных поражений утратили заинтересованность в них у деловых кругов провинции. Советская Россия, напротив, все более нуждалась в поставках сырья для восстанавливающейся промышленности, а власти провинции – в расширении рынков его сбыта. В это же время в торговле Синьцзяна с Востоком, при всей ее успешности, как уже указывалось, стали вырисовываться проблемы.

Был и еще один момент, подталкивавший китайцев на расширение торговли с советами. Китайские купцы ввозили в Синьцзян товаров с Востока значительно больше, чем вывозили сырья, и образовавшуюся разницу им приходилось компенсировать из собственных запасов серебра, которое в значительном количестве стало вывозиться из провинции, что обрушило номинальную стоимость местных бумажных денег. Потому торговые операции с Советской Россией в новом формате, осуществляемые, как правило, за серебро, золото, бриллианты и валютные товары (сайговые рога, опиум), а не путем товарообмена, как это было в дореволюционный период, были выгодны для китайцев, которые частично переориентировались на другие рынки. Поэтому вполне понятно желание Синьцзянских купцов сбыть «залежалое», «некондиционное» сырье и за это получить звонкую монету для расширения торговли с Востоком и решения своих финансовых проблем.

Особую активность в этом вопросе демонстрировали купцы из Илийского округа, традиционно более «заточенные» на торговлю с Россией из-за близости границы и удобной транспортной инфраструктуры. Кроме того, они менее всего преуспели в торговле с Востоком (5%) в сравнении с другими территориями провинции (Хамийский район – 80%, Турфанский – 50%, Кашгарский – 30%, Урумчинский – 30%, Алтайский – 10%) [13].

Не считаться с ними китайские власти не могли, как и с открывавшимися перспективами расширения торгового сотрудничества с большевиками.

Однако они не хотели «возвращения» отношений с Россией в прежнем, довоенном варианте (хотя большевики и дистанцировались от политики царских властей в провинции, но не прочь были воспользоваться ее «плодами»), оттого полного доверия к ним не было. «Не забывали» они и об интернированных остатках белогвардейских войск, все еще находившихся на территории Синьцзяна и косвенно влиявших на их решения.

Таким образом, следует отметить, что из-за практического прекращения отношений с Россией синьцзянское купечество переключилось на развитие торговли с собственно Китаем и другими странами. Объемы товарооборота Синьцзяна с Востоком в период с 1918–1920 гг. позволяют утверждать, что она приносила хорошую прибыль и была эффективной, несмотря на существующие проблемы. Этим частично можно объяс-

нить, почему после подписания Илийского протокола в мае 1920 г. вместо ожидаемого оживления торговли с Советской Россией последовал спад, а большевики стал-

кивались с нежеланием властей провинций восстановить внешнеторговые связи, хотя неофициальная приграничная торговля не прекращалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 152.
2. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 113 об.
3. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1956. Л. 139.
4. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 152.
5. Внешняя Торговля. № 30 (60). 1925. С. 10.
6. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 114.
7. Омский государственный областной архив. Ф. 1988. Оп. 1. Д. 75. Л. 11.
8. Российский государственный военный архив. Ф. 110. Оп. 7. Д. 31. Л. 87.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 670. Л. 19.
10. Ибрагимов А.В. Торговля в Синьцзяне // Вестник Маньчжурии. 1925. № 1–4. С. 98–100.
11. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 152.
12. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 141.
13. Афанасьев-Казанский А. Экономическое положение Западного Китая // Новый Восток. 1923. № 3. С. 117.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2016 г.

XINJIANG TRADE WITH THE EAST IN 1918–1920S

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 155–157. DOI: 10.17223/15617793/403/25

Shemetova Tamara A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

Keywords: trade; Russia; Xinjiang East.

Since the beginning of the internal crisis in Russia, the import of its products in the Chinese province of Xinjiang virtually stopped. In turn, Xinjiang merchants who exported raw materials to Russia stopped their trading operations, fearing requisitions and seizures by the Bolsheviks. Seeking a way out of this situation, they began to actively develop ties with trading firms operating in the interior of the country, trying to receive what the Russian state provided before. At the same time, many of these traders engaged in the export of their goods from Xinjiang to the east, despite long distances. Taking advantage of the favorable situation, Chinese and foreign companies started to supply the population of Xinjiang with textiles, fancy goods, perfumes, crockery and other trifles. Contact with Central China improved the stagnant trade, especially in the eastern districts of Xinjiang (less dependent on the Russian market). However, some of the top of Xinjiang merchants that had a good income from trade with the East were concerned about the situation in the trade in the 1920s. First of all, they were disturbed by the fact that the “influx” of Chinese representatives of foreign firms in Xinjiang led to a sharp rise in raw material prices. As low raw material prices allowed to sell it in the East without losses, and the import of manufactures in the province where the price for it was high and freight charges significantly lower, merchants had an opportunity to get a good income. In addition, the purchasing power of the population decreased. In fact, after a sharp decline in import-export operations with Russia, Xinjiang province faced the problem of selling their products (forced “crisis of overproduction”) rather than the lack of essential goods (they were replaced by Chinese and European supply of goods). The fact is that most of the raw materials produced in Xinjiang did not meet the European standards of quality (and, therefore, even at a low price could not afford the cost of freight) and could be used only in the Russian industrial production. However, the authorities in Xinjiang did not want to “return” relations with Russia in the old, pre-war version. Thus, due to the practical termination of relations with Russia, Xinjiang merchants turned to the development of trade with China and other countries. The volume of Xinjiang trade with the East from 1918 to the 1920s suggests that it made good profits and was effective in spite of the existing problems.

REFERENCES

1. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 635. List 3. File 14. P. 152. (In Russian).
2. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 10. File 282. P. 113rev. (In Russian).
3. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 3. File 1956. P. 139. (In Russian).
4. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 635. List 3. File 14. P. 152. (In Russian).
5. *Vneshnyaya Torgovlya*. (1925). 30 (60). pp. 10.
6. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 10. File 282. P. 114. (In Russian).
7. Omsk State Regional Archive. Fund 1988. List 1. File 75. P. 11. (In Russian).
8. Russian State Military Archive. Fund 110. List 7. File 31. P. 87. (In Russian).
9. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 514. List 1. File 670. P. 19. (In Russian).
10. Ibragimov, A. V. (1925) *Torgovlya v Sin'tszyane* [Trade in Xinjiang]. *Vestnik Man'chzhurii*. 1–4. pp. 98–100.
11. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 635. List 3. File 14. P. 152. (In Russian).
12. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 10. File 282. P. 141. (In Russian).
13. Afanas'ev-Kazanskiy, A. (1923) *Ekonomicheskoe polozhenie Zapadnogo Kitaya* [The economic situation of Western China]. *Novyy Vostok*. 3. pp. 117.

Received: 14 January 2016